

Луняев Е.В. Энциклопедия: екатерининское послесловие // Сборник материалов ежегодной конференции-семинара молодых ученых «Науки о культуре – шаг в XXI век». Т. 5. / Под. Ред. И.М. Быховской. – М., РИК, 2005. – С. 320-324. – 0,3 п.л.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Евгений ЛУНЯЕВ

*РГПУ им. А. И. Герцена, кафедра эстетики и этики;
Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии.*

Тотчас после своего воцарения Екатерина II начала думать о средствах к приведению в исполнение проекта кодификации. Императрица в это время считала, что безупречное законодательство служит чуть ли не единственным решением самых сложных проблем, возникающих при управлении государством. Результатом бесед императрицы с опытными государственными мужами, какими были, например, Н. Панин, Миних, Сиверс, Шаховский, Вяземский, Бестужев; результатом знакомства с литературой французских просветителей и явилась публикация в 1767 году «Наказа».

Впервые «Наказ императрицы Екатерины, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения» был издан в Москве печатным органом Сената «июля 30 дня 1767 года».

Над «Наказом» Екатерина II трудилась два года (1765-1766). В начале 1767 года готовый текст подвергся двойной цензуре – ближайших сотрудников императрицы (Г. Г. Орлов, Н. И. Панин, духовные лица) и «разных персон вельми разномыслящих» (поэт А. П. Сумароков, государственные мужи М. И. Воронцов, А. И. Бибииков). Переработанный под влиянием критических замечаний, «Наказ» был оглашен перед депутатами комиссии как основное руководство их кодификационной деятельности. Не оказав решающего воздействия на реальное российское законодательство, «Наказ» заслужил похвалы Вольтера, просвещенного прусского короля Фридриха II, позднее – английского философа, основателя утилитаризма И. Бентама. Сочинение Екатерины II вызвало большой общественный резонанс во всей монархической Европе, в частности, в том же году во Франции «опасная книга» была даже запрещена. «Под влиянием консервативной верхушки российского общества Екатерина вынуждена была исключить из основного текста «излишне» либеральные мысли и вовсе отказаться от его претворения в жизнь, к тому же, Она сама видела несовершенство нового кодекса (о чем говорят Ее собственные построчные замечания на полях «Наказа»).

«Наказ» отразил гуманные принципы Просвещения, веротерпимость и волюность граждан, равенство их перед законом. В «Наказе» отчетливо проявилась начатая Петром I тенденция обновления России, преодоления ее обособленности, включения страны в общеевропейское развитие и сохранение национального своеобразия. «Наказ» запечатлел эту тенденцию: «Россия есть Европейская держава».¹ В подготовительных записках к «Наказу» говорилось о том, что «делать рабов из людей» «противно христианской религии и справедливости», что крепостные должны освободиться по мере перемены собственника земли.² Ни последующая редакция «Наказа», ни расхождение его с практикой в виде

расширения сфер закрепощения крестьян, ни резкое изменение политики в 1780 – 1790 (преследование масонов, Радищева) не зачеркивают значения социально-философских идей Екатерины 1760 — начала 70-х годов.

«Наказ» разбит на 20 глав и 526 статей.

- Предварительные замечания (ст. 1-5),
- Главы вступительные I (6-7) и II (8-16),
- III «о безопасности постановлений государственных» – о законах как основе общественной стабильности (17-21),
- IV – о Сенате как гаранте законности (22-30),
- V «о состоянии (гражданском) всех в государстве живущих» (31-39),
- VI «О законах вообще» (41-63),
- VII «О законах подробно» (64-79),
- VIII «О наказаниях» (80-69),
- IX «О производстве суда вообще» (97-141),
- X «О обряде криминального суда» (142-249),
- XI – о рабстве и положении крепостных (250-263),
- XII «О размножении народа в государстве» (264-292),
- XIII «О рукоделии и торговле» (293-346),
- XIV «О воспитании» (347-356),
- XV «О дворянстве» (357-375),
- XVI «О среднем роде людей (тех, кто «упражняется в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах»)» (376-383),
- XVII «О городах» (384-403),
- XVIII «О наследствах» (404-438),
- XIX «О составлении и слоге законов» (439-462),
- XX «Разные статьи, требующие изъяснения» - о преступлениях по оскорблению Величества, о чрезвычайных судах, о веротерпимости, о причинах упадка государства (43-63-522),
- окончание (523-526)

и две дополнительные главы «О благочинии, называемом инако полицией» и «О расходах, доходах и о государственном оных управлении».

Как видно уже из оглавления «кодекса», труд богат общими теоретическими положениями о государстве, о развитии общества, о гуманности и цивилизации. Многие идеи были прямо заимствованы из сочинений других авторов. Так, статьи «Наказа» 7, 18-20, 28-146, 254-260, 267-268, 343-350, 405-438, 447-518 заимствованы (творчески переработаны и слегка адаптированы к российской действительности) из сочинения французского философа Ш.-Л. Монтескье «О духе законов» (1748). Статьи 147-248 в своей основе содержат выдержки из трактата итальянского просветителя Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», существенно повлиявшего на гуманизацию европейского образования. Специалисты – филологи и правоведы - указывают и на другие источники этого сочинения, в их число входит и Гельвеций, и выдающийся публицист XVI века Иван Пересветов, большое количество европейских авторов.³ [Если посчитать статьи, «неекатерининское» авторство идей которых выяснено специалистами, то получается число 448. Таким образом, от общего количества статей самостоятельно

Екатерина могла написать менее 78 («менее», потому что нет точного количества ссылок и заимствований на другие источники).]

Итак, вступительная часть сочинения. Она сразу же несет на себе несколько функций: и указание на один из источников моральной ориентации императрицы, и своеобразное благословение перед принятием важных решений. «Господи Боже мой! вонми, и вразуми меня, да сотворю суд людям Твоим по закону Святому Твоему судити в правду».⁴ При выработке собственной этической доктрины императрица мудро опирается на уже существующие схемы, по законам которых человечество жило тысячелетиями. Главным образом, имеет место своего рода полемика со Священным писанием и народной мудростью (пословицы-поговорки-сказки). Данная же цитата возвращает читателя во времена мудрого Соломона, что многозначительно наталкивает на мысль о желании Екатерины II стать для русских тем же, кем стал Соломон для иудейского народа, - то есть воплощением мудрости.

Во вступительных статьях Екатерина представляет христианские ценности как ментальные установки русского этноса. «Закон христианский научает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно» и «Полагая сие законом веры предписанное правило за вкоренившееся...».⁵ Менталитет, национальные стереотипы – здесь императрица применяет для этих понятий термин «вкоренившееся». Таким образом, Она ясно осознает, что невозможно мгновенно изменить вековые стереотипы, устоявшийся уклад жизни. Еще более четко звучит понимание того, что если и вносить изменения в жизнь целого народа, то не часто – ведь последний раз русский народ был шокирован реформами Петра I всего век назад. Кроме того, Екатерина не раз говорит о необходимости планомерной *подготовки умов людей*. Например, в «Наказе»: «для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить».⁶ Она увлеченно читала труды Дидро, Руссо и других просветителей, однако не пыталась воплотить их идеи целиком в российской жизни (разве что, можно считать такими попытками создание закрытого учебного заведения - Смольного Института благородных девиц; все остальные указы и распоряжения направлены на подготовку умов).

Чрезвычайно любопытны закономерные совпадения, возникающие при обосновании Екатериной принципов самодержавия. Совпадения с аргументами христианской морали. Сравним две точки зрения. «...Государь есть самодержавный... Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим».⁷ По нашим наблюдениям, к подобными аргументам из раза в раз, из века в век прибегают христианские духовники, защищая единого бога перед многобожниками и язычниками, а священнослужители православной церкви вовсе заявляют об аскетичной и скромной жизни на земле (в противовес же обещают «райские кущи» на небесах).

Какие же цели кроме улаживания собственного тщеславия преследовала Екатерина в «Наказе»? – На страницах рассматриваемого сочинения приводится такой ответ: «Предложенное МНОЮ здесь не для того сказано, чтобы хотя на малую черту сократить безконечное разстояние, находящееся между пороками и добродетелями. Боже сохрани! Мое намерение было только показать, что не все политические пороки суть пороки моральные, и что не все пороки моральные суть политические пороки. Сие непременно должно знать, дабы воздержаться от

узаконений, с общим народом умствованием неместных».⁸ То есть, говоря иными словами, целью не стояла борьба с общественными стереотипами и общественными пороками. Императрица руководствовалась другими побуждениями, смысл которых заключался в том, чтобы *определить умонастроения общества*, постараться *предугадать их*. Собственно для этого были привлечены и опыт европейских политиков и философов, и христианская мораль. Таким образом, основной причиной написания «Наказа» явилось желание Екатерины II быть принятой своим народом. (Вспомним, хотя бы, такие сюжеты из истории XVIII столетия, как тщательное изучение Екатериной Алексеевной русского языка и российской истории, Ее стремление казаться православной, старания прослыть в народе доброй и мудрой Государыней-Матушкой.)

В «Наказе» Екатерина хотела дать обоснованную всеми возможными аргументами трактовку собственной самодержавной власти, договориться с обществом о целях политики государства и методах их приведения в жизнь. Можно рассчитывать это сочинение императрицы как своеобразные «кондиции», «Общественный договор», которые Она предлагала народу. А предлагала Она (возможно, только в качестве проверки на готовность к глубокому реформированию, которой не оказалось даже на высокостатусном уровне, о чем свидетельствуют замечания при редакции «Наказа») не что иное, как модель гражданского общества, имеющей в своей основе правовое государство.

- В государстве, то есть в собрании людей, обществом живущих, где есть законы...
- Равенство всех граждан состоит в том, чтобы подвержены были тем же законам.
- Вольность есть право, все то делати, что законы дозволяют.
- Государственная вольность в гражданине есть спокойствие духа происходящее от мнения, что всяк из них собственно наслаждается безопасностью...
- Законоположение должно применять к народному умствованиею. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности.
- Законы суть собственные и точные установления законоположника; а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа.⁹

Такая форма государственного устройства до сих пор рассматривается как идеальная. Любой современный школьный учебник по обществознанию выделяет примерно одинаковые признаки правового государства:

- верховенство права в обществе
- подчинение закону самого государства, организаций, граждан.
- равенство граждан перед законом
- охрана и гарантированность гражданских прав человека
- принцип взаимной ответственности государства и личности
- гуманный и справедливый характер законов¹⁰

Так, совпадают положения о наличии законов – гуманных и справедливых, об общем равенстве перед законом, о свободе/«вольности», которая разумно ограничена рамками права.

Понятие «гражданское общество» укладывается в несложные наглядные схемы:

Модель тоталитарного общества, в котором государству подконтрольны все сферы человеческой жизни: экономика, политика, частная жизнь.

Модель гражданского общества, где государство исполняет лишь контролирующую функцию, посредством налогов и законов.

Как мы видим, стремления и грезы Екатерины II были направлены в сторону идеальных форм государства. Но как показывает фактическая история нашего государства, такая модель государства остается не достигнутой по сей день, неизменными остались лишь грезы об идеале с нежеланием менять «вкоренившийся» порядок вещей.

На страницах «Наказа» Екатерина II отчаянно балансирует на лезвии бритвы между этикой и правом. Статья 83 проговаривает тот мудрый ориентир, который избрала для себя императрица: «В сих областях не столько потщаться наказывать преступления, как предупреждать оные; и приложить должно более старания к тому, чтобы вселить узаконениями добрые нравы в граждан, нежели привести дух их в уныние казнями».¹¹ То есть, Она объединяет право и этику, практически их не разделяя, чем подчеркивает их взаимообусловленность.

Приходит императрица и к выводам о необходимости терпимости, особенно в отношении веры. «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самая жестоковычаяная сердца и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан».¹² Государыня предпочитала уступить народу в малом, чтобы претендовать на большее. «Малое» здесь представлено религиозным культом, необходимой потребностью, зависимостью простого люда, «большое» же – спокойствием и стабильностью государственной власти, любовью народа, послушанием и подчинением.

Чрезвычайно интересен взгляд Екатерины на историю. Целый ряд статей (256, 257, 258, 259) характеризуют историю мирового права, в тонкости которого вникала законодательница. Она ссылается на времена Петра I, «Римлян», «Афинян» и «Лакедемонян». Столь широкий диапазон фундаментальных знаний, которым можно было даже оперировать с известной степенью беглости, - свидетельствует об основательности Екатерины II.

Из «древних» книг русская императрица брала не только знания, примеры и идеи. Историю, как таковую, Она считала важным воспитательным фактором.

«Кто не объемлется ужасом, видя в истории столько варварских и бесполезных мучений, выисканных и в действо произведенных без малейшего совести зазора людьми, давшими себе имя премудрых? Кто не чувствует внутри содрогания чувствительного сердца при зрелище...».¹³ Эмоциональный взгляд на прошлое, направленный на создание колоритного яркого образа эпохи и служащий воспитательным целям. Читающий «Наказ» гражданин Российской Империи должен был ужаснуться темному прошлому и возрадоваться светлому просвещенному настоящему.

Екатерина II была очень тонким и наблюдательным психологом. Наблюдая за окружающими, Она выстраивала свои выводы в схемы, устанавливала причинно-следственные связи между явлениями человеческой природы. «Сие основано на правиле весьма простом: Всякий человек имеет более попечения о своем собственном, нежели о том, что другому принадлежит, и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отымет».¹⁴ Не будем судить, является ли обозначенная черта ментальной особенностью русских, отметим, лишь, что в приведенной цитате появляется ключевое (в аспекте этики) слово – «старания».

По толковому словарю, старание – стремление выполнить что-нибудь хорошо, добросовестно.¹⁵ Наши наблюдения показывают, что екатерининская старательность помимо добросовестности, включает в себя основательность. Сама Она, за что бы ни бралась, всегда стремилась стать специалистом, – будь то законотворчество, обучение русскому языку, или раскрытие воспитательного потенциала. По всей видимости, вкупе с природной склонностью, императрица руководствовалась народной мудростью: «Дело мастера боится» и другими пословицами и поговорками.

Путем наблюдений и опытного размышления императрица пришла к интересным умозаключениям о цене счастья. Есть выражение: «Каждый человек – кузнец своего счастья». У Екатерины же: «*Прилежание и радение все преодолевают* (выделено мною – Е. Л.): так как лень и нерадение ото всякого добра отводят».¹⁶ Мысль Екатерины II как бы постулируется сама собой, самостоятельно принимает законченную художественную форму. Эта особенность литературного языка императрицы говорит о «чутье», об интуитивном чувствовании русского языка, – следовательно, нужно отдать должное урожденной немке, настолько гармонично использующей неродной язык. А добиться подобного можно было только следуя обозначенной формуле: *Прилежание и радение все преодолевают*. Фольклорный эквивалент этой фразе заключен в расхожих пословицах: «Терпение и труд все перетрут», «Без труда не вытянешь и рыбки из пруда». Думается, что «царицынская» формулировка приподнимает фразу на иной уровень восприятия, более «ученый».

Устаревшее слово «радение» сегодня малоупотребимо. В XVIII столетии оно считалось синонимом к словам «старание», «добросовестность». А на рубеже XX-XXI веков чаще употребляется производное от «радения» – «ради», – но смысловая нагрузка понятия сместилась в область целеполагания. Мы говорим «делать что-нибудь ради чего-нибудь», то есть, задаемся вопросом «ради чего?», «с какой целью?». Получается, что в эпоху Екатерины II эта фраза звучала бы приблизительно так: «радеть за что-нибудь», то есть, прикладывать определенные

усилия, старания и переживания к какому-либо делу во имя достижения цели. За три века первоначальное значение общеупотребляемого термина сохранило лишь окончание, что связано с характером русского человека – думать о целях и результате, забывая прикладывать старания. Неслучайно появление таких пословиц и поговорок, как «На бога надейся, а сам не плошай», «Пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится», «Авось да как-нибудь до добра не доведут».

Планомерность и основательность поступков и решений императрицы проявляется в попытке введения в обиход государственных мужей из Уложенной комиссии такого оборота, как *«приуготовление умов людей»*. Здесь проявляется дальновидность, осторожность и мудрость Екатерины. Даже в период страстного увлечения философией Монтескье, Вольтера и Дидро и их последователей (этот период совпадает и во многом обуславливает написание «Наказа»), Екатерина не доходила до такой крайности – пытаться воплотить их идеи в своей государственной деятельности. О том же Дидро Она впоследствии говорила графу Сегюру: «Я много и часто беседовала с ним, но больше с любопытством, чем с пользою».¹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Екатерина II. Сочинения / Сост. В. К. Билибин, М. П. Одесский. М., 1990. С. 23 (ст. 6).

² Борзова Е. П., Новиков А. И. Дени Дидро и Екатерина Вторая // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. С-Пб., 26-29 августа 1996 г. / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: СПбНЦ, 1996. С. 48.

³ Осипов И. Д. Философия власти Екатерины II: «Дух законов» Монтескье и «Наказ» // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. С-Пб., 26-29 августа 1996 г. / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: СПбНЦ, 1996. С. 56.

⁴ Библия. 3 Цар., 3:9.

⁵ Екатерина II. Указ. Соч. С. 22. (ст. 1-2)

⁶ Екатерина II. Указ. Соч. С. 24 (ст. 58).

⁷ Екатерина II. Указ. Соч. С. 23 (ст. 9-12).

⁸ Екатерина II. Указ. Соч. С. 24 (ст. 56).

⁹ Екатерина II. Указ. Соч. С. 23-24 (ст. 37-39, 57, 59)

¹⁰ Человек и общество. Учебник для 10-11 классов. / Под ред. Л. Н. Боголюбова. М., 2000.

¹¹ Екатерина II. Указ. Соч. С. 25 (ст.83).

¹² Екатерина II. Указ. Соч. С. 30 (ст.485).

¹³ Екатерина II. Указ. Соч. С. 26 (ст.206).

¹⁴ Екатерина II. Указ. Соч. С. 28 (ст.296).

¹⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азъ», 1993.

¹⁶ Екатерина II. Указ. Соч. С. 31 (ст.524).

¹⁷ Цит. по: Екатерина II. Сочинения. / Сост. В. К. Билибин, М. П. Одесский. М., 1990. С. 513.